

Свет

Автор:

Роберт Курганов

Свет

Роберт Курганов

Исходом Последней мировой Землю сковала обещанная Ядерная зима. Всем человекам выжить в морозе не вышло, разве что безумным «отморозкам» – эти переживут и тараканов, да «подземщикам», вовремя сбившимся Земле подмышку. Теснота да пустота выдавила большую их часть обратно и уложила в землю с лица, разбросав по неглубоким могилам. Оставшиеся годами зрели в искусстве голодать и выживать. И, как оказалось, ко всему можно отточить навык. Но, кто пробовал, знает и не хочет вспоминать, не привыкнуть человеку к темноте. В сюжете подземная Колония лишилась света. Выход должен быть, да только ли дело в освещении?

Роберт Курганов

Свет

Нора отморозков – безрассудная и обреченная затея. Даже Барышников вырвался оттуда чудом, весь подырявленный, как мешок с песком в местном тире. Но, он-то справился, все знают – Барыга везучий.

Свой заветный трофей приберег в верхнем бункере – самом безопасном в то время месте. В поселковой Колонии уже поднялся Черный бунт, который гудел в подземке как глубинное землетрясение, лихое и гулкое, но незаметное снаружи.

– Что там слышно? – Барыга исподлобья зыркнул на Яшку, вернувшегося из разведки и ворвавшегося в натопленную бытовку с облаками морозного воздуха, всякий раз клубящегося паром, стоило приоткрыть дверь.

– Темно на всех ярусах. Беспредел, грабежи и поножовщина. Веселуха, короче говоря, – Яшка выскользнул из толстого пуховика, легким швырком набросил его на крючок вешалки и бухнулся на свою привычную табуретку у двери. – Походу, хана этой деревне. Надо валить в столицу.

– И наших номиналов на месте нет? – задумчиво заключил Барыга. Он бросил в граненый стакан горсть молотой вишневой коры с перцем и залил крутым кипятком. – А администрация что?

– Администрация свалила и номиналы наши потянула, само собой, – Яшка придвинул свою пустую кружку к Барыгиной. – Только старик остался. Вот упертый! Еле от него ушел.

– Судья? – Барышников наполнил кружку. – Остался, значит...

– Да куда ж он? Капитан без корабля... – Яшка припорошил паркий кипяточек жменей вишневой пыли без перцу и накрыл кружку крышечкой, чтоб теплилось подольше. – Ты же в курсе, сколько он мне шьет! Доказать – не докажет, но мозги выест, живым не отпустит... Говорю ж, уп-пертый!

Судья славился нечеловеческой настойчивостью. И не сказать, чтоб сложно было от него отделаться: закон в Поселке всегда хитро юлил между абсурдностью и размытостью. Такое удобное несовершенство и сам Судья признавал. Но своей въедливостью этот странный безумец принуждал тревожиться всякого, кто закон преступал напрямую или в обход.

Яшка нервно забарабанил пальцами по фанерной столешнице:

– Я тебе говорю, руки в ноги, и валим в столицу, – он порывисто вскочил, приоткрыл дверь, коротко выглянул из бытовки в основной склад, уверился, что в нем никого нет, и быстро притворил дверь. Ворвавшийся холод тут же сгустился в подвижное влажное облако пара. – Ты свое дело сделал. Припозднился малость, это – да... Ну так, не в санаторий ездил. А кто расплатится? Никто! Я знал, что к этому все идет!

Он действительно предвидел подобный исход, все-таки задержались прилично, и пока обескровленный Барышников отлеживался с переливаниями в пристольничной берлоге, выхитрил в столице клиента поинтереснее. А главное, если правильно «разрулить движуху», мог выпасть и прямой путь на верхушку, в Звездный, к столичной жизни.

Смышленный, вполне решительный к делу и амбициозный, Яшка мог добиться большего, чем унизительные побегушки у Барыги. Да и выживание на краю кластера в бедном подземном поселке подавляло беспросветностью, безнадежностью и скудностью на яркие события. А ему хотелось жить – этому крепкому, стройному красавцу неопределенно-среднего возраста, всегда дорого одетому во все чистое и девственно-нештопанное, снаряженному на зависть и каждый день идеально выбритому и пахнущему свежим сосновым одеколоном, сколько бы там он ни стоил. А здесь... Здесь каждый день приходилось окунаться в душный воздух подземных бараков. В этот лабиринт, пропитанный плесенью и испарениями пота грязных теплых тел, червями ютящихся в двухъярусных фанерных отсеках-коробках три на три, больше похожих на дешевые могилки в подземном некрополе. А жить-то хотелось по-человечески! Например, завтракать в правительственной десятиэтажной «стекляшке» Звездного, ужинать в приличном баре с полным освещением, с отоплением без въедливой гари, и пить по утрам настоящий кофе, а по вечерам коньяк или довоенное красное вино. Но пока приходилось заваривать вишневую кору, смешанную с мебельными опилками, пусть даже и в компании с Барыгой. А тот добавлял в эту мразь еще и перцовый порошок.

Барышников шумно втянул кипяток, подул на чай, задумался и отставил стакан.

– Так не отдам... Я в это дело вложил все, что у меня было. Ставки высоки... Да и крови столько потерял. С этот чайник наберется, – кивнул он на заварник, по-дружески заботливо снял крышечку с Яшкиного чая и подвинул к нему кружку с уже раскрасневшейся вишневкой.

Тот сморщился и поджал губы:

– Свежая кровь? – оба усмехнулись, и Яшка принялся загибать пальцы: – Я договорился в столице, я подогнал клиента подороже, я добазарился кое с кем и нашел нам местечко. Я тебе говорил...

– Хватит. – Жестко резанул Барышников и для смягчения косо улыбнулся в одну щеку, но Яшка уже осекся и съежился. – Теперь понимаю, за что тебя Яшкой прозвали: якаешь много.

– Было дело, за то и прозвали, – расплылся тот в подобие улыбки и сощурил холодные глазки, но лицо Барыги уже вернулось к привычному нейтрально-ледяному выражению.

Не ясно почему, но всегда отрешенный и молчаливый, Барышников обладал странным даром убеждения. Однажды ему удалось погасить разгоревшийся было бунт. Недовольные очередным подбором собрались в Большом зале Первого яруса, шумели, хлокотали как кипятик под дрожащей крышкой, не пускали высказаться тех, кто имел, что сказать.

На трибуну поднялся Барышников, оглядел людское волнующееся море с достоинством льва и поднял руку. Бурлящий поток голосов смягчился, притих, будто где-то закрутили шумный водопроводный кран, и народ угрюмо насупился молчанием. Барыга еще раз прошелся взглядом по головам, поразмыслил, и, наконец, изрек:

– Расходимся, – голос его звучал спокойно, без угрозы, раздражения или надменности, но настолько твердо, что больше походил на царское повеление.

Народная толпа робко и нерешительно качнулась, двинулась, расступилась и потекла по темным закуткам подземки обсуждать невезенье на голодных своих кухнях. Бунт не состоялся. Правда, позже Барышников добился от администрации поселка отмены сбора и переиначил решение проблемы по-своему, а попутно запустил свою руку в рыбную прорубь водохранилища, ради которого и назначался очередной налог. Всюду он имел интересы и на все в поселке мог повлиять, если хотел. Но жил сам по себе и в «политику» особо не вмешивался, чем удивлял и разочаровывал Яшку. Скажи Барыга свое слово... Но тот молчал.

А Яшка долго молчать не мог, не умел. Поблуждав возбужденным взглядом по стенам бытовки, увешанным редкими теперь инструментами, он неудержимо остановился на равнодушном, погруженном в раздумья лице Барыги, негромко хлопнул в ладоши и поднял указательный палец:

– Идея! Я знаю, как тут крутануться, Митяй! – при упоминании своего имени Барышников будто вздрогнул. – Администрация свалила, в поселке бунт, каких не было еще, и всем грозит смерть! А тут ты подваливаешь с инвертором, даешь свет, и все граждане тебе должны, номиналов-то нет уже. Все должны! До самой последней старухи! Это же все твое, получается, весь этот долбаный бывший склад ПВО, все этажи и все люди! Ты все это можешь сделать своей собственностью!

Яшка вскочил и нервно забегал по бетонному полу из угла в угол, замедляясь при приближении к Барышникову и пытаясь понять, о чем тот думает, почему молчит, но не смея спросить напрямую. Митяй же умиротворенно потягивал горячий, но уже приятно подостывший чай и рассматривал чайники в кружке с таким любопытством, будто держал в руке аквариум с редкими рыбками.

– Свет пришел! – взбудораженный собственным воображением Яшка остановился посреди бытовки и пристально уткнулся в лицо Барыги. – Сейчас они за это все отвалят! Можно в легкую исправить энергосистему!

С поселковой системой энергообеспечения всегда было не ладно. И когда свет потух, поселок предсказуемо заволновался, забурлил, загудел всеми лабиринтами подземки, норовя взорваться неистовым бунтом и погромами.

Яриков, неглупый и весьма смекалистый инженер, всякий раз безысходно опускал свои умелые руки, коими разводил уныло: нет запчастей.

– Инвертор... Необходим инвертор, – неустанно он отвечал всякому: – «ветряки» дают ток, энергия к нам поступает, но использовать ее мы не можем, не те характеристики тока. Нам хотя бы плату с контроллером... Хотя бы контроллер...

Тут же вопрошающие осыпали инженера наивными идеями, бессмысленно предлагали помощь и жаловались на темноту. Она пугала и мучила каждого по-своему, но ужас вызывала один на всех: все, что пришлось претерпеть за «зимние» годы, пережить поэтапно, постепенно, все вернется внезапно, враз, осядь темнота в поселке навсегда.

Инженер выход нашел – он соорудил аналоговую замену. И пусть мощности самоделки хватало лишь на питание тревожного и сумеречного дежурного освещения, все же отчаяние затаилось и притихло в ожидании чуда.

Но чудо лишь незримо вспыхнуло за горизонтом, где изрезанный Барышников выползал из подземки отморозков, упрямыми руками толкая перед собой заветный ящик с инвертором и оставляя в память о себе горячие красные следы на снегу, как печать в конце молитвы. Да будет так.

Но поселок уже взбурлил остервенением, как сорвавшийся с цепи зверь.

Обычно эти не частые, но тяжелые муки юной цивилизации Барыга переживал в бункере. А безопасность обеспечивали запасы энергии, продуктов и тяжелая броне-дверь, которую держали преимущественно запертой.

Однако, слышался ее ржавый металлический скрежет и чьи-то шаги. Яшка прислушался:

– Кажись, я забыл запереться, – и, догадавшись, опять отправился в путь из одного угла комнаты в другой. – Не парься, это мои друганчики.

– Твоя неразборчивость тебя погубит, – задумчиво протянул Барыга. – Эти типы тебе не друзья. Да и никому не друзья. Один Мясник чего стоит... Нет в нем ни твердости, ни разума, дикий он и все время чего-то боится.

– Конечно! – Яшка остановился и уставился на Барышникова с удивлением. – Чего ты хотел, он вышел из логова отморозков! Считай, из преисподней вырвался. Страх он натерпелся, я тебе скажу, от такого крыша съезжает на «раз-два». Страх в нем и сидит, поэтому он всегда ко всему готов. Во всеоружии, понимаешь? В этом его сила.

– В страхе сила? Сила, дружище, не в страхе и не в смелости, – Барыга вяло махнул рукой, пресекая диалог. – А второй этот, как его зовут? Мерзкий, Гадкий?

– Скользкий! – лицо Яшки сморщилось возмущением и обидой. – Почему ты их не запомнишь ни как?

– Да помню я, помню. Скользкий... Этот талант, конечно, но без выгоды и пальцем не шевельнет, змей. Остерегайся его. Спину береги...

Яшка устало осел на свой стул, придвинул остывшую кружку и подавленно пробубнил:

– Тебе не угодишь...Выгода и страх. А что еще?

Входная дверь снова взвыла и грохнула, захлопываясь от порыва ветра или чьей-то излишней силы так громко, что в бытовке зазвенели стаканы на шаткой навесной полочке. Друзья встревожено переглянулись, и Барышников кивком приказал Яшке проверить дверь, а сам потянулся к автомату.

Яшка погасил свет в бытовке, постоял секунду, чтобы глаза привыкли к темноте, и бесшумно приоткрыл дверь, впуская назойливый морозный пар.

Людей в складе не оказалось. На большом рабочем столе громоздились разложенные вещи, привезенные из вылазки: поклажа, рюкзаки, ящики с провизией и остатки товаров, взятых для обмена, но не пошедших в дело. В центре стола зияла пустотой расчищенная для инвертора площадка.

– Инвертор! – вскрикнул он истерично и суетливо заметался по складу. Заглянул под стол, в промежутки между стеллажей, даже в ящик с песком.

Барышников выскочил на улицу, раскрыв дверь вовсю, и полуподземный складской бункер тут же заполнился жестким и колючим морозным воздухом.

– Смотри! – прокричал он, прикрывая лицо от атак озлобленных ветром снежинок. – Кто это?

Вдаль, по рыболовецкой тропе, ведущей к водохранилищу, убегал лыжник с рюкзаком за спиной.

– Я не знаю! – против ветра выкрикнул Яшка и бросился обратно в склад. Барышников за ним. Собирались молча, быстро. Ватные штаны, унты, легкий бушлат, рюкзак. Через несколько минут уже пристегивали лыжи снаружи у запертых дверей склада.

– Мои помощники подоспели, – Яшка кивнул в сторону поселка. Оттуда пешком, без лыж, неторопливо шли двое – Скользящий и Мясник. Увидев Яшку, они

ускорили шаг, а под конец пути разогнались до бега.

Мясник остановился в отдалении, готовый выполнить любую, самую безумную команду. Это был высокий, но сильно ссутулившийся, сухожильный охотник лет тридцати пяти или меньше того, с большими, черными как ночь в подземке глазами и неестественно удлинённым лицом. Он никогда не улыбался, потому как не умел этого вовсе, и даже не знал, когда это нужно делать. Всегда держался особняком, ходил как тень и обладал даром появляться там, где его не ожидали, и потом так же странно и не ясно куда исчезать.

Вот и теперь он сторонился, давая возможность напарнику взаимодействовать с людьми.

Скользкий, напротив, всегда крутился среди людей, старался быть в курсе любых событий. Юркий и подвижный, он напоминал суетливого и дерзкого крысеныша. Возрастом он был лет на пяток младше своего товарища, но скупердяйством и хитростью превосходил любого. Его маленькие грязновато-болотистые глазки не знали покоя, да и сам он, казалось, все время куда-то торопился. Поговаривали, что в логове отморожков он был не последним человеком, даже любимым сыном местного вождя. Но к Мяснику прислушивался, хоть тот и был со Дна ада, где, как говорят, отморожки содержат людей как скот. И с той же целью.

Барышников покосился на бывших отморожков, проверил прочность лямок на лыжных палках, ткнув ими лед, и повернувшись всем корпусом к Яшке, прикинул:

– Вор пошел в сторону рыбалки. Ему там идти некуда. Не скроется, – он не суетился и не волновался, но говорил быстро. – Мы с тобой поднимемся на холм. К крепости. А твои... пусть идут по следу. Встретят его, если надумает вернуться.

Мечась глазками с Яшки на Барышникова и обратно, забеспокоился Скользкий, которому ничего не объяснили, но который все понял сходу:

– Барыга, это опасная работа, братан, она стоит подороже. Я, конечно, все понимаю, но мне моя шкура дороже.

Барышников взглянул на него коротко исподлобья, затем с укоризной на Яшку, подошел вплотную к Скользкому, больно уткнул дуло автомата в его живот, снял с предохранителя и загнал патрон в патронник:

– А жить – это уже опасно, – проговорил он с давлением, глядя Скользкому в глаза своим тяжелым прожигающим взглядом до тех пор, пока тому невольно не пришлось отвернуться. Тогда Барыга щелкнул предохранителем в обратную, закинул автомат за спину, перебросив лямку через голову, и громко скомандовал: – Вперед!

Команда двинулась общей дорогой, раздвоившейся вскоре: отморозки продолжили путь по обходной рыбацкой тропе, которой ускользнул вор, а Барышников с Яшкой по снежной целине двинулись коротким путем на верхушку холма, увенчанную остатками старинной крепости с водонапорной башней посередине, издаലെка похожей на огромную, воткнутую в снег потухшую свечку.

Дорога вывела в открытую ложбину, и поселок остался позади. Темный, восставший сам против себя поселок. Когда самодельный инвертор «сгорел», дремлющий бунт взорвался, всхрипел, разбрызгивая повсюду давние обиды и похоти, смешанные с человеческой кровью. Верхний ярус подготовленно и ожидаемо эвакуировался в столицу, и посреди цепящего хаоса эхом былого благополучия светился лишь кабинет Судьи, обеспеченный собственным аккумулятором. Кабинет принимал посетителей в штатном режиме с 9-ти до 15-ти ежедневно, кроме выходных. Необъяснимо ему удавалось уцелеть, и ни один пьяный и вооруженный бунтарь не приближался к его высокой двери в общей суматохе безумия, где только Судья и сохранял твердый и светлый ум. И дай воли этому уму, он отыскал бы в своих законах дыру, через которую инвертор можно было изъять.

Но теперь инвертор уходил в степь с беглым вором, и догнать его можно было лишь изнуряющим рывком через холм.

Тяжкое движение по взгорку разгоняло и учащало дыхание, воздуху не хватало, а жестокий и насмешливый ветер, не встречая на холме достойных препятствий, вбивался в лицо, клубил надоедливые иголки инея и выхолащивал одежду, вырывая из-под нее тепло и жадно его пожирая. И чем выше поднимались путники, тем раздраженнее и злее он бесился. Ведь теперь только он владел этой бескрайней снежной степью, и этим холмом, и водонапорной башней на

нем, и всем, что можно увидеть в сумерках дня с этой башни.

«Водонапорка» обустроилась в остатках старой церкви, удобно перекроенной в практичное и востребованное сооружение. Обступающие ее монастырские помещения, обнесенные крепостной стеной, тоже переоборудовались и переназначились – сначала в санаторий, потом в торговую базу, в контору, а затем в охраняемые склады. Постепенно вокруг бывшего монастыря образовалась охранная зона, и крепостные стены вернулись к своей естественной функции – ограждать и изолировать, а в освободившихся помещениях развернулась воинская часть.

Взобравшись на верхушку холмины, Яшка с Барыгой совершенно выдохлись и обессилили. Спугнув пару неестественно взъерошенных ворон, тут же захваченных и унесенных порывом разыгравшегося ветра, путники упали в снег и привалились спинами к кирпичной стене старой крепости.

– Кто же это... мог быть? – Яшка еще не отдышался, но не упускал возможности поговорить о самом важном – кто дерзнул украсть инвертор? – Тут не случайный... человек... Кто-то... Кто в курсе... всех дел. Кто-то свой... – он мельком покосился на Барыгу. Тот лежал молча, дышал полной грудью, и слегка сощурившись, смотрел в неинтересную серую даль.

– Кто бы это ни был, – дыхание Барыги начало успокаиваться. – Он или хорошо подготовился, или полный идиот. В любом случае таким путем... он выйдет только к озеру, к рыбакам. А там... Там только к сталкерам на товарную станцию. Но это сорок километров по степи... Либо... Может просто обойти наш холм, свернуть вправо и уйти в ложбину, в Сады... Помнишь эти места?

Яшка коротко взглянул на Барышникова и кисло ухмыльнулся:

– Кто ж... не помнит? – выдохнул он нехотя, и задумался.

Порывы ветра внезапными ударами сносили с верхушек стен снежную пыль, и та оседала наземь мутным туманом.

Опершись о левый локоть, Яшка развернулся к Барыге и заглянул в его холодные глаза взглядом, полным пронзительной укоризны:

– А ты помнишь?

Но Митяй безучастно разглядывал монотонную и пустую белесую равнину, простирающуюся в никуда. Там, за мрачной ледяной пустошью, поглотившей все живое, лежала такая же промерзшая голодная пустота. Поэтому жители подземок не любили смотреть вдаль – снежные равнины казались им бессмысленными и неуместными. Что в них? Всегда одно и то же – страдание, боль и бескрайнее море жестокости.

Поэтому, когда Барышников взялся за дело и решился выкупить инвертор у «отморозков», для поселенцев надежда не блеснула даже искрой – надо знать изгоев, исторгнутых изгоями: из их логова не возвращались ни живыми, ни мертвыми. Правда, Барыга всюду вязал связи, знакомства и, как он туманно выражался, везде у него имелись кое-какие взаимные интересы и долги.

За спасение поселка от темноты торговец благодарности и славы не ждал, а ограничился суммой товаров, номинально соответствующей тремстам тысяч. «Номиналы» собирали буквально по ниточке, вырывая из быта жильцов их незамысловатые пожитки, сносили в административные лавки. В лавках товар обменяли на патроны, меха и спирт, и поместили все это во внешний склад – заброшенные гаражи далеко на поверхности. От греха подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kurganov_robert/svet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)